

Ростислав ИЩЕНКО

Современную войну вести очень сложно. Особенно войну продолжительную. С одной стороны, население любой страны легко возбуждается и требует жестоко наказать коварного врага, в щепень разнеся его столицу в ответ на кражу курицы с нашей территории. С другой, война нравится народу лишь до тех пор, пока связанные с ней потери его лично не касаются

После первых же трудностей начинаются крики о «царице-немке», «измене во дворце», «некомпетентном руководстве». И через пару месяцев кричавшие об измене депутаты и генералы, под улюлюканье вооружённой гопоты, вынуждают отречение у собственного монарха, не считая это изменой.

Задачей любого ведущего правительства является сохранение баланса между победами на фронте и спокойствием тыла. Идеал достигается, если эти две стороны жизни вообще не пересекаются: армия где-то воюет, СМИ каждый день сообщают о взятых населённых пунктах, уничтоженных врагах и технике, продвижении на десятки километров и прочих «флагах на башнях», а тыл живёт привычной жизнью, слабо отличая на экране кадры прошлой войны от кадров войны текущей.

Современная контрактная армия такую войну вести позволяет. Американская армия, её натовские союзники и ЧВК несли в Афганистане совокупные потери, сопоставимые с потерями советской армии в Афганской войне. Но если для советского общества 13 тысяч погибших за 10 лет стали страшной трагедией, расшатавшей основы СССР, то Запад свои потери просто не заметил. Хотя раньше, в период колониальных войн 50—70-х годов прошлого века (вплоть до Вьетнамской войны), очень даже замечал.

Дело в том, что и у Запада вплоть до Вьетнама включительно, и у СССР в Афганистане воевала призывная армия. То есть, каждая семья призывника, пока он не отслужит, ощущала угрозу отправки своего сына (внука) на фронт и последующей гибели или тяжёлого ранения. Человеческая психика так устроена, что эвентуальную угрозу мы воспринимаем острее, чем реальную. Когда приходит реальная опасность, с ней можно

бороться и мозг концентрируется на борьбе, забывая о страхе. Если же опасность отложена на будущее («витаает в воздухе»), мозг концентрируется на этой опасности, человек чувствует себя беспомощным перед угрозой, так как нельзя бороться с тем, что ещё не наступило, психика начинает разлагаться.

Боевые действия, которые ведёт контрактная армия (или смешанная, в которой только контрактники-добровольцы отправляются в горячие точки), не воспринимаются каждой семьёй как угроза. Погибнуть могут только контрактники, которые добровольно выбрали для себя такую работу, связанную с риском. Работа в полиции тоже связана с риском, так же как работа спасателей и многие другие профессии.

ОТМ

Общество давно, столетия назад, привыкло к наличию постоянно рискующих профессиональных групп и не реагирует на это слишком остро. Точно так же средневековые итальянцы абсолютно не интересовались судьбой кондотьеров (военнослужащих, подписывающих «кондотту» — так у итальянцев того времени назывался военный контракт. Результаты сражений интересовали лишь постольку, поскольку могли принести прибыль или нанести ущерб своему городу, а значит и всей его общине.

В плане психологической устойчивости общества к войне и потерям контрактная армия имеет серьёзные преимущества перед призывной. Но у неё есть и свои недостатки. Контрактная армия не располагает столь же большим подготовленным резервом. Это группа профессионалов, которую могут пополнить только такие же профессионалы, срок предыдущего контракта которых истёк, но они не против заключить новый. Призывники такой армии (если она смешанная контрактно-призывная, как сейчас в России) нужны в основном для охраны тылов на родине, поддержания порядка в казармах и военных городках, но главное, для ознакомления на практике с условиями будущего контракта — основная масса контрактников (по крайней мере в мирное время) — призывники или недавно отслужившие, решившие, выбравшие для себя военную специальность и решившие продолжить службу по контракту.

Ограниченность резерва делает каждого отдельного солдата ценным ресурсом, что, в свою очередь, определяет армейскую тактику, предполагающую максимальное сохранение личного состава. Капитан кондотьеров или командующий европейской

наёмной армией XVII-XVIII века, лишь тогда что-то значит, если он способен привлечь под свои знамёна максимальное количество солдат, а они пойдут к нему, если воюет он успешно, люди у него едят хорошо, зарабатывают много, а гибнут редко.

Поэтому европейская тактика до появления массовых армий XIX века (в которых солдат стал расходным материалом) состояла сплошь из манёвров и мелких схваток. Командующие старались победить друг друга, исключая риск генерального сражения. Современные генералы, командующие контрактными армиями быстро приходят к изрядно забытому за два столетия господства на полях сражений массовых армий выводу — хорошо подготовленный и обученный, профессиональный солдат является самостоятельной ценностью его надо беречь пуще техники. Технику рабочие новую сделают или старую починят, а вот военных профессионалов «бабы не нарожают». Профессионала надо вырастить, привлечь на военную службу, мотивировать, обучить и подготовить. На это уходят годы и он становится воистину золотым.

Времена изменились и с целью сбережения личного состава сейчас применяют не манёвр, а последовательное уничтожение противника артиллерией, авиацией и ракетным оружием. В идеале пехота и бронетехника приходят в движение и занимают города и веси, когда враг уже полностью либо частично потерял боеспособность. Они не прорывают боевые порядки, а добивают уже доведённого до кондиции врага. Бескровные или почти бескровные блицкриги, вроде Крыма в 2014 году, редки и, как правило, обусловлены стечением обстоятельств, среди которых неожиданность удара находится на последнем месте, главным же является деморализующее отсутствие опоры на местное население у обороняющейся стороны, а также полное военно-техническое превосходство наступающей стороны, пользующейся, к тому же, массовой поддержкой местного населения.

Итак, современная контрактная армия в классическом виде воюет долго и экономно. Но это не устраивает население, жаждущее красивых побед по телевизору (тем более, что члены семьи не гибнут на фронте, а смотрят тот же телевизор). Ещё больше это не устраивает политиков. Долгая война не даёт возможности точно просчитать политические риски. Всё, что за пределами полугода-года, подвержено внезапным критическим изменениям и не просчитывается.

Сталкиваясь с необходимостью вести затяжную кампанию, политики (по крайней мере часть политической элиты) предпочитают непросчитываемым рискам заключение компромиссного мира, без достижения заявленных заранее решительных целей. Так было у американцев в Афганистане и Ираке. С аналогичной попыткой мы недавно

сталкивались во время российской спецоперации.

Однако наши главные враги (США и ЕС), задействовав против России санкционное оружие в расчёте на экономический блицкриг, обнаружили, что быстрая экономическая победа невозможна — российская экономика устояла, а в среднесрочной перспективе (2-4 года) их санкции уничтожают их собственную экономику. В результате появились заявления о необходимости победы над Россией на поле боя.

Но для этого Украины мало. Украина может затянуть конфликт на полгода, максимум на год, но держаться дольше её ресурсная база не позволяет. То есть время, в течение которого Украина может продержаться, Запад должен потратить на расширение театра военных действий и подключение новых членов антироссийской коалиции, готовых выставить полевые армии. Это нетривиальная задача, но, при наличии достаточного времени, решаемая.

Соответственно, России необходимо либо снизить активность Запада, чтобы дожидаться обвала его экономики, после чего он не сможет вести против Москвы активную гибридную войну. Либо минимизировать сроки боевых действий на Украине, чтобы лишить Запад повода и возможности расширить конфликт.

Последнее возможно либо при помощи компромиссного мира, который мало того, что не будет воспринят российским обществом — Запад не даст Украине его заключить. Либо при помощи интенсификации боевых действий, что входит в противоречие с основами тактики контрактной армии, но достижимо, если привлечь под знамёна большое количество отслуживших, но всё ещё романтизирующих войну бывших контрактников (в том числе имеющих опыт работы в ЧВК) среднего (35-45 лет) возраста.

При этом надо понимать, что они предъявят более высокие требования к обеспечению и денежному содержанию. Но самое главное, что это далеко не неисчерпаемый, как при обычной мобилизации призывной армии, источник бесконечных резервов. Разово можно привлечь и несколько десятков тысяч, и даже, наверное, пару сотен тысяч человек. Но на этом основной поток закончится. То есть, все проблемы текущих операций придётся решать, исходя из конечности и ограниченности имеющихся в наличии сил и отсутствии подготовленного и обученного резерва для продолжения высокоинтенсивных операций за пределами осени текущего года.

Итак, мы вновь возвращаемся к противоречию, заключающемуся в необходимости строгой экономии наличного ресурса, с одной стороны и ускорения слома украинского сопротивления, с другой. Часть нашего общества, инстинктивно чувствуя наличие данного противоречия, предлагает радикальный выход в виде обещанных «ударов по штабам», причём требует бить прямо по Вашингтону и Лондону.

Этот вариант можно было бы рассмотреть как рабочий, но общество морально не готово к возможным издержкам. Те же люди, которые требуют нанести массированный ядерный удар по США, как только слышат термин «ядерная война» и «ответный удар», в лучших украинских традициях начинают кричать «а нас за що!» и «как вы смете даже думать о ядерной войне!»

Такая реакция подтверждает, что, несмотря на все проблемы последних лет, мы всё-таки один народ. Но это значит и то, что возможность резкого повышения ставок, в том числе уничтожения конвоев с оружием для киевского режима на территориях западных стран, для нас на данном этапе исчерпана. Народ, привыкший видеть войну по телевизору, не готов к возможным последствиям таких решений у себя за окном.

Следовательно, ценность оперативной, эффективной и успешной операции против украинской группировки в Донбассе многократно повышается. По сути, там сейчас начинается генеральное сражение, от которого зависит не судьба «специальной операции» со всеми её «этапами», а судьба войны России с Западом за своё существование.

[ОРИГИНАЛ](#)